

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

І.

РОССІЯ И ФРАНКО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.

(Дополненіе къ книгѣ «Россія и Европа»).

(Заря, 1871, янв.).

Существеннѣйшее содержаніе длиннаго ряда статей, помѣщенныхъ въ „Зарѣ“ за 1869 годъ, подъ заглавіемъ „Россія и Европа“, — не политическаго, а преимущественно историко-философскаго свойства. Тѣмъ не менѣе, однако же, въ нихъ приходилось разсматривать и вопросы чисто политическіе, опѣкивать нѣкоторыя явленія политической жизни Европы въ ихъ отношеніи къ Россіи и Славянству — и, какъ бываетъ необходимо при разсматриваніи вопросовъ близкаго прошедшаго и настоящаго, — высказывать предположенія о будущемъ направленіи событій. Но вотъ совершаются на Западѣ событія первостепенной важности, которыя не могутъ оставаться безъ огромнаго вліянія на судьбы Славянства и Россіи. О вѣроятномъ характерѣ этого вліянія считаемъ себя такъ сказать обязанными изложить наши мысли, ибо безъ этого весь взглядъ нашъ на политическія отношенія Россіи къ Европѣ долженъ бы показаться не полнымъ, потерявшимъ всякое современное значеніе, хотя собственно говоря ни въ чемъ существенномъ онъ не измѣняется. „Безъ ненависти и безъ любви“, говорили мы, „равнодушные и къ красному и къ бѣлому, къ демагогіи и къ деспотизму, къ легитимизму и къ революціи, къ *Нѣмцамъ*, къ *Французамъ*, къ Англичанамъ, къ Итальянцамъ, къ *Наполеону*, *Бисмарку*, Гладстону, Гарибальди, — мы вѣрный другъ и союзникъ тому, кто хочетъ и можетъ содѣйствовать нашей единственной и неизмѣнной цѣли. Если цѣною нашего союза и дружбы мы дѣлаемъ шагъ впередъ къ освобожденію и объединенію Славянства, приближаемъ

ся къ Цареграду,—не совершенно ли намъ все равно: купятся ли этою цѣною: Египеть—Франціей или Англіей, Рейнская граница—Французами, или Вогезская—Нѣмцами, Бельгія—Наполеономъ, или Голландія—Бисмаркомъ?*) Вотъ единственная точка зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, должны мы смотрѣть на политическую борьбу европейскихъ государствъ вообще, а слѣдовательно и на настоящую борьбу Франціи съ Пруссіей.

Воспользовались ли мы настоящимъ случаемъ, когда дружба наша была такъ нужна Пруссіи,—ибо что бы стали дѣлать Пруссаки, если бы Россія, поставивъ 300,000 или 400,000 войска на границѣ Пруссіи, сказала стой нѣмецкимъ побѣдамъ?—приблизились ли мы къ достиженію нашихъ народныхъ цѣлей; не упустили ли и этого случая,—этого никто не зналъ до послѣдняго времени; но циркуляръ князя Горчакова успокоилъ всѣ опасенія, удовлетворилъ всѣмъ надеждамъ. Каковъ бы ни былъ результатъ франко-германской распри,—для насъ не осталась она безплодною, мы воспользовались ею, чтобы сбросить съ себя тѣ унижительныя ограниченія, которыми насъ опутали несправедливость и ненависть Европы. Циркуляръ князя Горчакова есть великое національное торжество, и не столько по непосредственно достигаемымъ имъ результатамъ, сколько по его великолѣпной, духъ возвышающей формѣ, и еще потому, что онъ составляетъ залогъ того, что наша политика перестала заботиться о томъ, „что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна“, что она и впредь будетъ имѣть въ виду свои особыя русскія цѣли, которыя будутъ стоять для нея выше всего, и на всѣ остальные событія міра, какъ бы ни были они сами по себѣ важны. будетъ смотрѣть какъ на побочныя обстоятельства, благопріятствующія или нѣтъ достиженію нашихъ, якобы своекорыстныхъ, цѣлей, а не поступаться ими какъ несвоевременными въ виду великихъ такъ называемыхъ общеевропейскихъ столкновеній и замѣшательствъ. Съ дней Екатерины Великой, когда она пользовалась замѣшательствомъ, производимымъ французскою революціею, для того чтобы докончить возвращеніе русскихъ земель изъ-подъ польскаго ига, мы не видали еще подобнаго примѣра, мы не умѣли, или не хотѣли, пользоваться ни честолюбіемъ Наполеона I, ни смутами 1848 года для достиженія своихъ особыхъ, русскихъ и славянскихъ цѣлей; и потому, нельзя не видѣть огромнаго шага впе-

*) *Россія и Европа*, изд. 4-е, стр. 481, 482.

редъ въ томъ, что захотѣли и сѣумѣли воспользоваться честолюбіемъ Пруссіи и Бисмарка. Былъ ли этотъ шагъ результатомъ предварительнаго соглашенія съ гениальнымъ руководителемъ Прусской политики, или это сюрпризъ и для него, на который онъ принужденъ дѣлать *bonne mine à mauvais jeu*—сущность дѣла отъ этого не измѣняется. Но оставимъ это блистательное дѣйствіе русской политики и обратимся къ разсмотрѣнію, какое отношеніе имѣютъ настоящія событія сами по себѣ, по необходимой силѣ вещей, помимо всякаго съ нашей стороны содѣйствія или поротиводѣйствія, къ тому, что составляетъ настоящую политическую задачу Россіи. Ибо, какъ мы уже говорили, хотимъ ли мы или не хотимъ, а за разрѣшеніе ея придется принятъ, по нашему ли почину, или слѣдуя непреоборимому историческому потоку.

Но прежде бросимъ безотносительный взглядъ на дѣйствія Пруссіи, потому что въ этомъ отношеніи высказывается, по нашему мнѣнію, много невѣрнаго и несправедливаго смотрящими съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны сыплются на Пруссію и на руководителя ея политики самые разнообразныя укоры; даже воинственный и политическій энтузіазмъ Нѣмцевъ охуждается, какъ нѣчто недостойное этой велемудрой націи. Громко и откровенно выражаемое ею желаніе возобновить Германскую имперію славныхъ временъ Гогенштауфеновъ служить текстомъ для нападеній и порицаній разыгравшагося нѣмецкаго патріотизма. Не питаю ни малѣйшей симпатіи ни къ Германіи вообще, ни къ Пруссіи въ частности, ибо, сообразно указаніямъ исторіи, видимъ въ нихъ главныхъ и прямыхъ враговъ Славянства, мы думаемъ однако же, что безпристрастіе не позволяетъ раздѣлять этихъ порицаній. Дѣйствія Пруссіи и Бисмарка заслуживаютъ удивленія и подражанія, ибо цѣль ихъ, объединеніе нѣмецкаго племени въ одно сильное политическое дѣло, — и законна и справедлива, и сообразна съ главнымъ токомъ историческихъ событій XIX столѣтія, направляющимъ всѣ великія народныя движенія къ цѣлямъ національнымъ, какъ было нами показано и доказано въ своемъ мѣстѣ. Неужели гнѣваться на нѣмцевъ за то, что они смѣло и ловко ведутъ свое историческое дѣло? По нашему мнѣнію, въ общихъ чертахъ и Пруссія и Бисмаркъ не заслуживаютъ ничего другаго, кромѣ удивленія и подражанія. Въ одномъ только отношеніи дѣйствія Пруссакъ возбуждаютъ справедливое негодованіе — это ихъ варварскій способъ веденія войны, организо-

ванный грабежъ городовъ и сель для доставленія тевтонскимъ воинамъ не необходимаго только пропитанія, а сигаръ и шампанскаго, сожженіе дѣлхъ селеній съ женщинами и дѣтьми, разстрѣливаніе взявшихся за оружіе для защиты своего отечества. Эти дѣйствія вполнѣ оправдываютъ данное пруссакамъ Герценомъ прозваніе ученыхъ варваровъ. Настъ впрочемъ это нисколько и не удивляетъ и кажется совершенно въ порядкѣ вещей; мы ничего другаго и не ожидали отъ прирожденной насильственности истинныхъ представителей германскаго племени. Хорошъ однако же прогрессъ въ теченіе 56 лѣтъ, прошедшихъ между настоящимъ и предшествовавшимъ ему вторженіемъ иноземцевъ во Францію, съ 1814 по 1870 годъ! Но тогда во главѣ вторгнувшагося ополченія стояла варварская Россія, отмщавшая за пожаръ Москвы, за взрывъ Кремля; теперь же высоко-цивилизованной Пруссіи развязаны руки, никто не мѣшаетъ ей взрывать Іенскій мостъ.

Съ другой стороны, также неосновательно обвинять Францію, или даже одного Наполеона, за начало настоящей войны, видѣть въ нихъ безпричинныхъ нарушителей европейскаго мира. Никто добровольно не отказывается въ политикѣ отъ высоты занимаемаго имъ положенія. Не совершенно ли понятно, что Франція должна была стараться воспрепятствовать не только объединенію на ея восточной границѣ 38-милліонной Германской Имперіи, но еще распространенію ея вліянія на Пиренейскій полуостровъ? Не подобное ли дѣйствіе Людовика XIV возбудило нѣкогда тринадцатилѣтнюю войну за испанское наслѣдство, восхваляемую всѣми историками за возстановленіе ею нарушеннаго Франціею политическаго равновѣсія? Конечно, родственныя и династическія связи между монархами не имѣютъ теперь такого значенія, какъ за полтора столѣтія тому назадъ. Но вліянія этого все-таки нельзя отрицать, все еще оно довольно значительно, особливо въ началѣ царствованія новой династіи, пока она не усвоитъ себѣ вполнѣ характера и интересовъ той народности, во главѣ которой поставлена, пока не утратитъ, съ теченіемъ времени, своихъ прежнихъ семейныхъ и національныхъ преданій и пристрастій. Хотя личная политика государей имѣла въ Англіи ограниченный кругъ дѣятельности, по самому государственному устройству ея съ самаго 1689 года — не придавали ли, въ теченіе долгаго времени, особой окраски внѣшней политикѣ ея—Голландское происхожденіе Вильгельма III,

и Ганноверское—Георговъ? — Что европейскіе политики вовсе не равнодушны до сихъ поръ къ происхожденію кандидатовъ на вновь открывающіеся вакантные троны, служить доказательствомъ недавнее избраніе англійскаго принца въ короли Греціи. И такъ, Франція, начиная войну съ Германіей, была права съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, которое есть одинъ изъ жизненныхъ принциповъ европейской (Романо-Германской) системы государствъ, какъ мы доказывали это на своемъ мѣстѣ (см. „Заря“ 1869 г. сентябрь, стр. 46—49). *) Германія, принуждая Францію объявить ей эту войну, была права съ точки зрѣнія интересовъ ея національности.

Но довольно о внутренней безотносительной политической правотѣ борющихся въ настоящее время соперниковъ. Перейдемъ къ гораздо болѣе для насъ интересному вопросу о вліяніи этой борьбы на наши русскіе и на нераздѣлимые отъ нихъ славянскіе интересы. И въ этомъ отношеніи, мы не можемъ согласиться съ мнѣніями, высказываемыми самыми вліятельными органами нашей печати. Одни видятъ въ успѣхахъ Пруссіи и въ униженіи Франціи предметъ непосредственнаго для насъ торжества, какъ въ отмщеніи за Севастопольскую невзгоду, за нанесенное намъ ею оскорбленіе, такъ и въ вѣроятности болѣе благопріятнаго поворота въ Восточномъ вопросѣ, черезъ содѣйствіе возвеличившейся Пруссіи. Другіе считаютъ усиленіе Германіи величайшею для насъ опасностью, грозящею намъ величайшими бѣдствіями.—Первое мнѣніе просто смѣшно. Крымская война, много повредившая нашимъ интересамъ, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы оскорбить нашу народную гордость, а слѣдовательно и не требуетъ отмщенія съ точки зрѣнія народнаго гонора—вѣдь оборона Севастополя непохожа не только на Седанскую или Мецкую катастрофу, но даже и на пресловутую защиту Страсбурга.

Но если бы даже мы могли чувствовать себя оскорбленными, то мстить за такія оскорбленія предстоить только намъ самимъ, а никакъ уже не Пруссіи.

Этотъ способъ возстановленія народной чести оскорбительнѣе самой неудачно и дурно веденной войны. Недоставало еще того, чтобы Пруссія стала нашей покровительницей! Что же касается до болѣе благопріятнаго рѣшенія Восточнаго вопроса при содѣй-

*) «Россія и Европа», стр. 451—461.

ствіи Пруссіи, мы были того мнѣнія, что Пруссія была единственною возможною для насъ въ этомъ дѣлѣ союзницею, и потому, что она по меньшей мѣрѣ столько же нуждалась въ насъ, сколько мы въ ней, и потому, что никакія воспоминанія, никакіе политическіе предразсудки насъ не раздѣляли. Завѣтныя желанія Пруссіи, перешедшія уже изъ области патріотическихъ мечтаній въ систематически осуществляемый планъ, — не могли быть исполнены безъ нашего допущенія, безъ нашего, пассивнаго по крайней мѣрѣ, содѣйствія; и за это допущеніе, за это содѣйствіе мы могли требовать если не всего, то многого и весьма многого — Пруссія ни передъ какими требованіями бы не отступила. Новѣйшія событія доказали вѣрность нашего взгляда; Пруссія сдѣлалась нашею союзницею въ Восточномъ вопросѣ: вольною или невольною, сознательною, или бессознательною — это въ настоящемъ случаѣ все равно. Но теперь допущеніе это уже сдѣлано и плата за него уплачена — достаточная или недостаточная — это другой вопросъ, на который отвѣтитъ будущее. Объединеніе Германіи совершилось; единственный дѣйствительно заинтересованный въ противодѣйствіи ему противникъ низверженъ. Пруссія, повидимому, уже достигла своего и, закрѣпивъ свои пріобрѣтенія блистательнымъ миромъ, сдѣлается совершенно свободно отъ нашего вліянія. Дѣйствіями ея будетъ руководить отнынѣ единственно то, что считается ею сообразнымъ съ ея собственнымъ и обще-нѣмецкимъ интересомъ, безъ всякихъ уступокъ, которыми приходится покупать имѣющіяся въ виду выгоды, какъ въ частной, такъ и въ политической жизни, тѣмъ, кто еще не совсемъ оперился, не сталъ еще твердо на ноги.

Что германскіе интересы противны нашимъ, — объ этомъ распространяться нечего. Исконная борьба Нѣмцевъ съ Славянами, географическое положеніе Чехи, теченіе Дуная, который Нѣмцы считаютъ, вопреки географіи, исторіи и этнографіи, такъ же точно своею рѣкою, какъ и дѣйствительно нѣмецкій Рейнъ, — служатъ достаточнымъ тому ручательствомъ. Сочувствіе Англіи увеличивающемуся политическому могуществу Нѣмцевъ составляетъ другой, не менѣе ясный и непреложный признакъ, что и въ собственно такъ называемомъ Восточномъ вопросѣ, въ вопросѣ о Турціи и Константинополѣ, нѣмецкіе интересы вполнѣ противоположны нашимъ.

Вообще, мнѣніе объ опасности для насъ возвышенія Германіи гораздо основательнѣе и серьезнѣе, — и, если принимать Россію за

одинъ изъ членовъ европейской семьи, считать ея интересы солидарными съ общеевропейскими интересами, какъ къ сожалѣнію это всегда дѣлается, то мнѣніе это даже и совершенно, безусловно справедливо. Несправедливымъ остается только самъ этотъ коренной взглядъ, лежащій въ основаніи почти всѣхъ сужденій о политической роли и судьбѣ Россіи. Опроверженію его, какъ съ общей культурно-исторической, такъ и съ спеціально-политической точки зрѣнія, посвятили мы всю нашу книгу, озаглавленную «Россія и Европа», и потому напомнимъ теперь только вкратцѣ развитое тамъ въ подробности.

Если бы мы могли на неопредѣленное время продолжать мирное жительство съ европейскими государствами на основаніи въ разное время установившихся трактатовъ, какъ одинъ изъ членовъ европейской семьи народовъ, устраняя, при постоянномъ миролюбіи, то своевременною уступчивостію и непритязательностью, то твердостью политики, могущія отъ времени до времени возникать „прискорбныя недоразумѣнія“, какъ выражаются на языкѣ дипломатіи, что, конечно, было бы возможно при общности дѣйствительно существенныхъ интересовъ: тогда, конечно, возникновеніе могущественнаго и вмѣстѣ честолюбиваго государства у нашихъ границъ должно бы почитаться обстоятельствомъ вполне неблагопріятнымъ, могущимъ нарушить идиллическій токъ нашей исторіи. Но къ сожалѣнію, или къ счастью, это не такъ. Противуположность нашихъ существеннѣйшихъ интересовъ съ интересами европейскими — самая положительная, самая коренная, ничѣмъ не устранимая. Мы — представители Славянства, и въ качествѣ таковыхъ должны содѣйствовать его политическому освобожденію изъ-подъ нѣмецкаго, изъ-подъ мадыарскаго и изъ-подъ турецкаго гнета и, затѣмъ, его политическому объединенію, дабы доставить тѣмъ и себѣ и ему достаточную силу сопротивленія противъ всякихъ грядущихъ политическихъ невзгодъ. Такова наша историческая роль, и если бы даже мы сами ея не поняли, или не хотѣли понять, другіе понимаютъ за насъ, и постараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, вредить намъ, чтобы препятствовать исполненію этой нашей исторической задачи. — Всѣхъ бдительнѣе въ этомъ отношеніи Англія, которая, кромѣ общеевропейскихъ, имѣетъ свои особыя причины опасаться насъ въ Азіи. Благодаря своему политическому искусству и особенностямъ своего островнаго положенія, она издавна уже руководитъ общимъ ходомъ европейской поли-

тики. Вспомнимъ войны противъ Людовика XIV и XV, противъ республики и первой Имперіи, Восточную войну, последнее польское возстаніе... Да что приводить частныя примѣры—можно сказать, что съ конца XVII столѣтія не было въ Европѣ политическаго событія, которое въ концѣ концовъ не разрѣшалось бы сообразно видамъ и интересамъ Англіи, причемъ орудіями ея служили попеременно то одно, то другое континентальное государство, то нѣсколько вмѣстѣ. — До низверженія Наполеона I цѣлью Англіи было ослабленіе и униженіе Франціи, съ 1815 же года, или по крайней мѣрѣ съ начала двадцатыхъ годовъ,—мѣсто Франціи заняла Россія. Зная проникательность Англіи и упорство ея въ достиженіи своихъ цѣлей, можно ручаться, что ея не упустятъ случаи вредить Россіи и, при представившейся возможности, возбуждать противъ нея Европу,—а такіе случаи, или предлоги, доставятъ всегда въ изобиліи и Турція, и Греція, и Сербія, и Румынскія Княжества, и Чехія, и Польша, и пожалуй даже Остзейскія провинціи. Надо только, чтобы что-нибудь ближайшее, насущнѣйшее не занимало собою Европы.

Вотъ почему мѣ думаемъ, что: 1) борьба съ Европой во всякомъ случаѣ неизбежна, что 2) всякое нарушеніе политическаго равновѣсія въ Европѣ выгодно для Россіи.

Положенія эти были подробно доказаны въ своемъ мѣстѣ; теперь намъ надо только разсмотрѣть, какъ и въ чемъ видоизмѣняются они возвышеніемъ Пруссіи и униженіемъ Франціи.

Прежде и главнѣе всего, думаемъ мы, сложныя, запутанныя отношенія между Европой и Россіей этимъ упрощаются; — отдергивается еще одно покрывало, снимается еще одна маска; истинныя отношенія разъясняются; настоящіе враги становятся лицомъ къ лицу; политическіе предрасудки и предубѣжденія окончательно разсѣваются силою событій, подобно тому, напримѣръ, какъ марево Священнаго союза разсѣлось во время Восточной войны. Объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи мы говорили („Заря“ 1869 г. окт. 71—74)*). „Между Россіей и Франціей стоитъ цѣлый рядъ предрасудковъ, уже издавна препятствующихъ имъ сблизиться. Со стороны Франціи это предрасудокъ польскій и католическій, со стороны Россіи предрасудокъ нѣмцелюбія и легитимизма, или ненавидѣнія революцій. Рядъ напрасныхъ столкновеній, натянутыхъ, недружелюбныхъ

*) „Россія и Европа“, стр. 493—496.

отношеній, ратное товарищество французъ и поляковъ, польскія агитаціи, сочувствіе къ политическимъ изгнанникамъ—обратились въ Россіи въ политико-дипломатическое преданіе, во Франціи въ настоящій народный предразсудокъ, не способный уже выслушивать голоса здраваго политическаго разсчета“. Такое, почти полтора-лѣтъ длящееся, политическое недоразумѣніе, въ которомъ обѣ стороны виноваты, объясняемъ мы требованіями высшей исторической логики. „Франція“—говорили мы,—„есть истинный, такъ сказать нормальный представитель Европы, главный практическій проявитель европейскихъ идей съ самаго начала европейской исторіи и до настоящаго дня. Россія есть представитель Славянства. И вотъ, вопреки всѣмъ разсчетамъ политической мудрости, всѣмъ внушеніямъ здраво понятаго политическаго интереса, эти два государства, такъ сказать противъ своей воли, становятся почти постоянно враждебными соперниками съ самаго начала ихъ дѣятельныхъ взаимныхъ сношеній... и этому антагонизму не нынче конечно предстоитъ кончиться“.

Объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи мы выразили такое мнѣніе: „опять странное историческое явленіе, удивительная комбинація! Западные Славяне и Нѣмцы были въ теченіе всей европейской исторіи враждебны другъ другу. Первые были угнетателями, вторые—угнетенными, а властительная историческая судьба заставляетъ представителей германства и славянства—Пруссію и Россію, содѣйствовать другъ другу въ достиженіи ихъ повидимому противоположныхъ цѣлей. Пруссія, собственно говоря, возросла подъ крыломъ Россіи, и теперь можетъ на нее только опираться для довершенія германскаго единства, которое въ свою очередь становится первымъ звеномъ въ отдѣленіи Славянскаго отъ Нѣмецкаго... Въ тепершнемъ положеніи дѣлъ, Россія не можетъ имѣть другаго союзника, какъ Пруссія, точно такъ же, какъ Пруссія другаго союзника, какъ Россія. Такъ представляется дѣло на первыхъ порахъ. Что будетъ дальше—другой вопросъ. По достиженіи первыхъ успѣховъ, безобидныхъ для обѣихъ сторонъ, отношенія могутъ и вѣроятно должны переимѣниться“. („Заря“ 1869 г. октябрь, стр. 76—77)*). Вотъ эта-то переимѣна и совершается на нашихъ глазахъ. Первые успѣхи, безобидные для Россіи, могутъ считаться достигнутыми Пруссіею. Кое-что достигнуто и Россіею. Самая обидная

*) „Россія и Европа“, стр. 498.

и вредная для Россіи статья Парижскаго трактата может считаться уничтоженною. Конечно, достигнутые результаты не равны. Пруссія извлекла несравненно болѣе выгодъ отъ Россіи, чѣмъ Россія отъ Пруссіи, но она во всякомъ случаѣ достигла того, что отношенія ея къ Пруссіи перемѣнились по самой сущности дѣла. Антагонизмъ между Россіей и Франціей прекратился, ибо горькій опытъ на этотъ разъ кажется достаточно протрезвить Францію. Всѣ предразсудки ея: и польскій, и католическій, отступаютъ на далекій задній планъ, когда дѣло идетъ о самомъ ея существованіи, какъ великой европейской державы, и о возстановленіи ея утраченнаго значенія. Надо надѣяться, что если еще не разсѣялись, тѣ въ скоромъ времени разсѣются и русскіе предразсудки. Россія также не замедлитъ узнать, кто ея дѣйствительный, настоящій, ненапускной врагъ. Мы подчеркнули въ сдѣланной выпискѣ слова: „и этому антагонизму не нынче конечно суждено кончиться“—чтобы выставить нашу грубую ошибку. Да! судьба была гораздо милостивѣе, чѣмъ можно было предполагать, разсѣявъ такъ быстро, такъ неожиданно туманъ, застилавшій глаза и Россіи и Франціи, заставлявшій ихъ враждовать, не потому, чтобы ихъ интересы были дѣйствительно противоположны, а такъ сказать по недоразумѣнію, дабы они слѣпо исполняли назначенную имъ политическую роль.

Роль романскихъ народовъ очевидно умалывается; ихъ, какъ первенцовъ европейской культуры, ранѣе должна постигнуть историческая дряхлость. Дѣятельная, передовая роль очевидно переходитъ къ болѣе молодымъ, чисто германскимъ племенамъ. Они должны будутъ главнымъ образомъ нести бремя, налагаемое европейскимъ историческимъ тягломъ. Съ ними, слѣдовательно, и предстоитъ преимущественно бороться Славянству.

Мы видѣли, какъ, со времени Восточной войны, борьба Россіи за Славянство, принимавшая временно форму борьбы противъ Турціи, получила свой настоящій характеръ борьбы противъ Европы, представителемъ которой являлась Франція, лично, индивидуально вовсе не заинтересованная въ борьбѣ противъ Славянства. Теперь исчезаетъ и это недоразумѣніе. Враждебная намъ вообще Европа сосредоточивается собственно въ чисто германскую ея половину; съ нею придется намъ въ будущемъ вести свои счеты.

Эти прямыя, незамаскированныя отношенія, при которыхъ врагами являются именно тѣ, интересы которыхъ дѣйствительно противоположны, имѣютъ большія, несомнѣнныя выгоды на своей

сторонѣ; они развязываютъ руки, позволяютъ идти прямой дорогой, освобождаютъ отъ необходимости принимать въ соображеніе разныя аттенціи, избавляютъ отъ неестественныхъ политическихъ комбинацій, при которыхъ одна сторона бываетъ всегда болѣе или менѣе одурачиваема. Мы испытывали это съ самой кончины Великой Императрицы, особенно же со времени Священнаго союза включительно до Восточной войны, во время которой фальшивыя отношенія наши къ Австріи, Пруссіи и вообще Германіи намъ всего болѣе повредили. Не надѣясь на нихъ, Россія или отклонила бы войну, или лучше бы къ ней приготовилась, и, отбросивъ опасенія нарушить германскіе интересы, съ самаго начала иначе повела бы ее. Франція испытала то же самое во время ея *entente cordiale* съ Англіей, за что теперь и казнится. И до сихъ поръ наши отношенія къ Пруссіи, съ которою считаемъ себя связанными старинною дружбою, связывали и спутывали насъ какъ во внѣшней, такъ, можетъ быть еще болѣе, во внутренней политикѣ.

Другое вліяніе теперешней франко-нѣмецкой борьбы на русскія дѣла состоитъ въ томъ, что она необходимо должна приблизить послѣдній фазисъ Восточнаго вопроса. Справедливое сознаніе военной силы и политическаго искусства укрѣпилось въ умахъ нѣмецкаго народа рядомъ быстрыхъ, рѣшительныхъ успѣховъ, приобрѣтенныхъ съ 1864 по 1870 годъ. Политическое честолюбіе разыгралось во всѣхъ сословіяхъ и, когда ближайшая цѣль этого честолюбія будетъ достигнута, то есть внѣ-австрійская Германія соединена въ одно цѣлое, и мнимо-нѣмецкія Эльзасъ и Лоренъ къ ней присоединены,—честолюбіе это не успокоится на этихъ первыхъ шагахъ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, примется за осуществленіе дальнѣйшихъ цѣлей. Послѣ столь долгихъ стремленій соединиться въ могущественное политическое цѣлое, надо же этому цѣлому дать почувствовать свое могущество. Надо же и нѣмецкому народу разыграть наконецъ міроправительную роль, которая поочереди доставалась всѣмъ его сосѣдямъ. Противъ этого искушенія не устоятъ Нѣмцамъ, тѣмъ болѣе, что многое ихъ къ тому приглашаетъ. Ежели бы *Сѣверогерманскій* союзъ и превратился въ *Германскій* просто, подъ именемъ Имперіи,—то все еще не будетъ онъ союзомъ *Всегерманскимъ*; внѣ его останется юго-восточная или Австрійская Германія—и тѣ Славянскія земли, которыя, какъ Чехія, по своему географическому положенію връзываются въ нее, и гдѣ неуцѣлѣвшая исполнить своей германской задачи Австрія допустила

зажитья, окрѣпнуть и получить вліяніе славянской мысли и славянскому движенію. Исключеніе Австріи изъ Германіи было конечно только предварительнымъ дѣйствіемъ, чтобы развязать руки Пруссіи, и, конечно, въ умахъ нѣмецкихъ патріотовъ не должно и не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ отчужденіе отъ общаго великаго отечества 5-ти или 6-ти милліоновъ настоящихъ нѣмцевъ и освобожденіе изъ нѣмецкой власти и вліянія десятка милліоновъ Славянъ въ Чехіи, Моравіи, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Истріи. Такой ходъ дѣлъ былъ бы очевидно ко вреду общенѣмецкихъ интересовъ, и Пруссія, сдѣлавшая ихъ своими интересами съ того времени, какъ стала расширяться въ Германію, конечно не можетъ допустить въ нихъ такого ущерба, не потерявъ своего обаянія. Не можетъ еще и потому, что прибрание къ нѣмецкимъ рукамъ такъ называемой Цислейтаніи окажется, подобно французской войнѣ, необходимымъ для сплоченія германскаго единства, для отвлеченія отъ внутреннихъ вопросовъ, для вознагражденія величіемъ, силою и блескомъ того, что утрачено значительною долею нѣмецкаго народа въ экономіи, спокойствіи и свободѣ. Осуществленіе части этой задачи, то есть присоединеніе къ единой Германіи дѣйствительно нѣмецкихъ земель, каковы: Эрцгерцогство Австрійское, Тироль, Зальцбургъ, часть Штиріи и Каринтіи, нельзя даже не назвать справедливымъ и законнымъ. Но въ томъ-то и дѣло, что невозможно предположить, чтобы этимъ справедливымъ ограничилось прусско-нѣмецкое честолюбіе, оставивъ Славянскія земли устроиваться, какъ они сами пожелаютъ.

Это было бы не только сочтено всѣми Нѣмцами за измѣну нѣмецкому дѣлу, но даже просто не можетъ и войти въ нѣмецкую голову. А поглощеніе западныхъ Славянскихъ земель настоящею нѣмецкою державою, съ сильно возбужденнымъ національнымъ духомъ, въ то время, когда разлагающаяся Австрія общаетъ имъ въ недалекомъ будущемъ самостоятельность и свободу, не можетъ быть терпимо Россією, если въ ней есть капля политическаго смысла. Но если бы даже, вопреки всѣмъ своимъ выгодамъ, вопреки историческому смыслу своего существованія, Россія оказала самое грубое политическое непониманіе, самое непростительное равнодушіе къ судьбѣ западныхъ Славянъ, изъ этого непониманія и равнодушія вывело бы ее нарушеніе тѣхъ ближайшихъ интересовъ, которые она по историческому и дипломатическому преданію всегда причисляла къ насущнѣйшимъ вопросамъ своей политики; ибо при-

соединеніе къ Германской Имперіи западныхъ Австрійскихъ земель не могло бы совершиться безъ вознагражденія Австріи на Востокѣ, въ земляхъ, лежащихъ по нижнему Дунаю.

Есть, какъ извѣстно, еще другой предметъ нѣмецкаго честолюбія, который если и не ближе русскому сердцу, то непосредственнѣе касается специально русскихъ государственныхъ интересовъ. Это наши прибалтійскія губерніи. Намъ не можетъ успокоивать то, что прусскимъ государственнымъ людямъ очень хорошо извѣстно, насколько эти губерніи нѣмецкія. Если бы это обстоятельство и могло воздержать отъ враждебной инициативы руководителей прусской политики,—они были бы вынуждены къ ней общественнымъ мнѣніемъ Германіи, наиболѣе враждебнымъ изъ всего сонма враждебныхъ намъ европейскихъ мнѣній. Но плоха надежда и на прусскихъ государственныхъ людей, когда принадлежность Эльзаса и Лорени въ незапамятныя времена къ Германской Имперіи служить для нихъ достаточнымъ поводомъ для присоединенія ихъ къ теперешней Германіи, несмотря на рѣшительное офранцуженіе тамошняго населенія. Вѣдь забываютъ же эти государственные люди, что одно изъ двухъ: или этнографическій, или историческій принципъ долженъ лежать въ основаніи государственнаго права, что они несомнѣстимы, что такъ и мы можемъ потребовать себѣ Померанію и островъ Рюгенъ, потому что нѣкогда были они поприщемъ славянской жизни и культуры. Почему же не прибѣгнуть для оправданія честолюбивыхъ замысловъ еще къ третьему—культурному принципу? Развѣ нѣмецкая культура прибалтійскихъ губерній не перевѣситъ въ ихъ глазахъ не-нѣмецкій племенной составъ массы ихъ народонаселенія и отсутствіе всякаго на нихъ историческаго права? Возможно ли сомнѣваться, по всѣмъ этимъ причинамъ, что современемъ остзейскій вопросъ слѣдается въ рукахъ нѣмцевъ тѣмъ, чѣмъ былъ вопросъ польскій въ рукахъ французовъ?

Или западно-славянскій, или остзейскій вопросъ начнутся, какъ только успѣетъ отдохнуть Германія отъ напряженій, которыхъ ей стоитъ французская война (предполагая конечно, что она удачно кончится для Нѣмцевъ). Ей некуда болѣе обратить своего честолюбія, и ничто не можетъ такъ цементировать зданіе возникшей Ново-Германской Имперіи, такъ упрочить въ ней преобладаніе прусскаго элемента, какъ именно война противъ Россіи. Вспомнимъ, что этою цѣною даже столь ненавистный въ глазахъ Европы бона-

партизмъ съумѣлъ легитимировать себя въ ея глазахъ. Мы видимъ, что въ войнѣ противъ Франціи, съ тѣхъ поръ, какъ она потеряла характеръ войны противъ Наполеона, есть по крайней мѣрѣ одинъ изъ общественныхъ элементовъ Германіи—элементъ социальнo-демократическій, который симпатизируетъ побѣжденнымъ. Въ войнѣ противъ Россіи не будетъ и этого разногласія, единомысліе будетъ полное.

Но это ускореніе борьбы, разумѣемой нами подъ общимъ именемъ Восточнаго вопроса,—борьбы во всякомъ случаѣ неминуемой, скорѣе полезно, чѣмъ вредно для Россіи, ибо настоящія событія уже въ достаточной мѣрѣ раскрываютъ намъ глаза, достаточно предупреждаютъ насъ и даютъ время приготовиться. Сама же борьба съ Нѣмцами болѣе, чѣмъ что-либо на свѣтѣ, послужитъ къ отрезвленію нашего взгляда, къ уясненію нашихъ истинныхъ народныхъ интересовъ. Она, и только одна она, разорветъ наконецъ вполне ту сѣть, которою была опутанна русская политика вотъ уже три четверти столѣтія. Крымская война распутала ее только отчасти именно по отношенію къ Австріи. Покуда Пруссія нуждалась въ насъ, мы служили ея интересамъ какъ во внѣшней, такъ и во внутрѣнной политикѣ, даже въ столь независимой отъ политики вещи, какъ въ направленіи желѣзно-дорожныхъ линій, и поэтому нельзя не назвать счастливымъ того историческаго момента, съ котораго Пруссія перестанетъ въ насъ нуждаться и прямо выскажетъ тѣ чувства, которыя до поры до времени считала для себя полезнымъ и необходимымъ наскрывать. Пусть хоть сама она сдернетъ надѣтыя намъ на носъ нѣмецкія очки, если мы никакъ не хотимъ снять ихъ добровольно.

Вообще, несмотря на нашу европейскую репутацію тонкихъ дипломатовъ и искусныхъ политиковъ, мы, въ сущности, политики самыя плохіе, по крайней мѣрѣ со смерти Великой Императрицы, потому что чужіе интересы почти всегда считали важнѣе своихъ; и вотъ почему для насъ гораздо выгоднѣе прямая открытая игра, чѣмъ политическія жмурки. До такой степени выгоднѣе, что даже неудачная на первый разъ война съ Нѣмцами (ибо въ сущности мы все-таки гораздо сильнѣе ихъ) принесла бы намъ огромную пользу. Она заставила бы тѣснѣе соединить наши интересы съ интересами западныхъ и южныхъ Славянъ, заставила бы видѣть въ нихъ нашихъ естественныхъ союзниковъ, помогать которымъ всѣми силами насъ заставляетъ не только честь и совѣсть, но

самые ближайшіе, наисущественнѣйшіе интересы; а въ дѣлахъ міра сего это, къ сожалѣнію, весьма и весьма много значить. Во внутреннихъ дѣлахъ она показала бы, кого мы должны считать нашими злѣйшими врагами, и развила бы наконецъ den trotzigen Widerstandgeist противъ Нѣмцевъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ.

Но, кромѣ этихъ соображеній, по которымъ ускореніе борьбы скорѣе полезно, чѣмъ вредно для Россіи, главное заключается въ томъ, что для насъ весьма выгодно, если приступъ къ рѣшенію Восточнаго вопроса (подъ именемъ котораго мы разумѣемъ всякую борьбу съ Западомъ изъ-за русскихъ и славянскихъ интересовъ) падетъ на время нарушенія политическаго равновѣсія Европы; когда, по пословицѣ: своя рубашка къ тѣлу ближе,—внутренніе раздоры, взаимныя обиды европейскихъ народовъ на болѣе или менѣе продолжительное время отвлекутъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ ихъ общей вражды къ Славянству. Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію третьяго вліянія франко-прусской войны на русскіе интересы, чрезъ посредство вліянія ея на политическое равновѣсіе европейскихъ государствъ.

Мы говорили («Заря» 1869, октябрь, стр. 67)*: «Вліяніе политическаго равновѣсія Европы и его нарушенія на судьбы Россіи можно выразить слѣдующею формулою: при всякомъ нарушеніи равновѣсія, Европа естественно раздѣляется на двѣ партіи, на нарушителя съ держащими волею или неволею его сторону, и на претерпѣвшихъ отъ нарушенія, стремящихся возстановить равновѣсіе. Обѣ эти партіи, естественнымъ образомъ, стараются привлечь на свою сторону единственнаго сильнаго сосѣда, находящагося, по сущности вещей (каковы бы ни были впрочемъ формы, слова и названія), внѣ ихъ семьи, внѣ ихъ системы. Обѣ партіи заискиваютъ, слѣдовательно, въ Россіи. Одна ищетъ у ней помощи для сохраненія полученнаго преобладанія, другая—для освобожденія отъ власти, вліянія или опасности со стороны нарушителя. Россія можетъ выбирать по произволу. Напротивъ того, при существованіи равновѣсія, политическая дѣятельность Европы направляется наружу,—и враждебность ея противъ Россіи получаетъ свой полный видъ. Тутъ, вмѣсто двухъ партій, наперерывъ заискивающихъ въ Россіи, Европа сливается въ одно—явно или тайно враждебное Россіи цѣлое».

*) «Россія и Европа», стр. 488.

Два примѣра изъ новой исторіи: войны Наполеона I и Восточная война вполне подходятъ подъ эту формулу. Но всякая формула видоизмѣняется черезъ подставленіе на мѣсто ея общихъ зна-ковъ опредѣленныхъ величинъ, видоизмѣняется иногда до неузнаваемости. Такъ въ настоящемъ случаѣ видоизмѣненіе заключается въ томъ, что первая половина ея, выраженная словами: *одна партія ищетъ у Россіи помощи для сохраненія полученнаго ею преобладанія* (какъ Наполеонъ послѣ Тильзитскаго мира), оказывается какъ бы несправедливою, или—продолжая нашу математическую метафору—обращается въ нуль отъ внутренняго значенія подставленныхъ въ нее опредѣленныхъ величинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Пруссія, нуждаясь еще въ благосклонномъ нейтралитетѣ Россіи, пока не одолѣетъ энергическаго сопротивленія Франціи,—осиливъ его и обратившись въ Германскую Имперію, не будетъ имѣть никакой особенной надобности въ поддержкѣ Россіи для сохраненія полученнаго ею преобладанія, потому что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія предвидѣть образованіе противъ себя европейской коалиціи.

Англію, бывшую издавна душою всѣхъ коалицій, не можетъ ни сколько тревожить усиленіе Германіи, потому что Германія не имѣетъ ни флота, ни колоній, и слѣдовательно долго еще не можетъ быть ея соперницею въ другихъ частяхъ свѣта, какъ въ былыя времена Испанія, Голландія и Франція, противъ которыхъ она вела столь упорныя войны, и какъ въ настоящее время Америка и Россія. Такое положеніе дѣлъ продолжится до тѣхъ поръ, пока Германія не вздумаетъ присоединить къ себѣ Голландіи. И вотъ причина, почему она не сдѣлаетъ этого, или сдѣлаетъ послѣ всего, достигнувъ всѣхъ своихъ прочихъ цѣлей, хотя никакое другое приобрѣтеніе не могло бы поставить Германію на такую высоту могущества, какъ именно приобрѣтеніе Голландіи, которое доставило бы ей устья Рейна, значительный флотъ, верфи, открытыя гавани, великолѣпныя, послѣ англійскихъ самыя обширныя и богатыя колоніи, и сверхъ всего этого предоставило бы ей огромныя, вѣками скопленные капиталы и соединенное съ ними денежное вліяніе. Съ присоединеніемъ Голландіи, Германія скоро могла бы сдѣлаться трашною для Англіи, и тогда, безъ сомнѣнія, видѣли бы мы полное оправданіе нашей формулы, какъ во времена Наполеона I.

Но пока, могущество Германіи не только нисколько не опасно для

Англіи, а напротивъ того можетъ служить самымъ удобнымъ для нея орудіемъ. Побѣдивъ къ началу XIX столѣтія всѣхъ своихъ морскихъ соперниковъ, Испанію, Голландію и Францію,— Англія увидала новаго соперника въ Россіи, хотя и чисто континентальнаго, но который, по своему географическому положенію и вліянію на востокъ, могъ быть ей столько же, и даже болѣе опасенъ, чѣмъ самая могущественная морская держава на томъ именно материкѣ, на которомъ преимущественно сосредоточены ея интересы. Поэтому, почти съ самаго низверженія первой французской имперіи враждебность Англіи обратилась противъ Россіи. Предлогами служили ей то пагубное вліяніе Россіи на свободу европейскихъ народовъ, то алчные виды Россіи на Турцію, то усилія ея къ поработенію героическихъ кавказскихъ народовъ, то горькая участь Польши и т. д. Отношенія Россіи къ Германіи, которыя въ сущности парализовали всѣ истинно народныя стремленія нашей политики, имѣли однако же видъ грознаго и непоколебимаго союза, главою котораго какъ будто бы была Россія. Поэтому Англія соединилась узами дружбы съ своимъ исконнымъ врагомъ—Франціею, которымъ и пользовалась насколько могла. Но союзъ съ Франціею былъ во всякомъ случаѣ *un ris aller*, во-первыхъ потому, что, собственно говоря, русскіе и французскіе интересы не были существенно противоположны на востокъ, и слѣдовательно, туманъ обоюдныхъ предразсудковъ, мѣшающій обѣимъ понять это, могъ разсѣяться при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ это и случилось въ 1807 и 1828 годахъ; во-вторыхъ потому, что Франція, не будучи сосѣдкой Россіи, не могла употребить противъ нея всей своей сухопутной силы. Все это упрощается и улаживается съ возникновеніемъ сильной могущественной Германіи. Англія, слѣдовательно, если и не всегда, то еще долго будетъ другомъ и пособникомъ, а не врагомъ и соперникомъ Германіи.

Что касается до Австріи, то конечно, казалось, не могло бы не страшить ея усиленіе возникшей на ея счетъ Германіи, изъ которой она исключена, и въ которую можетъ быть отчасти включена вновь не иначе, какъ на вассальныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи, по раздробленіи и перенесеніи ея политическаго центра тяжести изъ нѣмецкихъ земель въ венгерскія, собственно говоря даже не иначе, какъ черезъ превращеніе Австріи въ Венгрію. Это усиленіе прежней ея соперницы Пруссіи дѣйствительно и пугало бы Австрію, если бы она уже не перестала быть государствомъ, хотя бы даже

искусственнымъ, и не обратилась, съ воцареніемъ дуализма, въ какую-то нелѣпую династико-дипломатическую комбинацію, держащуюся одной эквилибристикой, какъ балансеръ на канатѣ. Съ этого времени потеряла она даже самое имя свое, — она болѣе не Австрія, а какая-то соединенная Цисъ-и-Транслейтанія. — Человѣческій умъ уже такъ устроенъ, что онъ можетъ знать и понимать вещь только давъ ей имя; безъ этого и мыслить объ ней онъ не въ состояніи. Имя, названіе, номенклатура — великая вещь. Это — отраженіе дѣйствительности въ нашемъ разумѣ, и потому-то такъ и заботятся науки о точности, правильности и раціональности своей номенклатуры. Если, поэтому, понадобилось и вошло непримѣтно во всеобщее употребленіе такое, ни историческаго, ни этнографическаго смысла не имѣющее названіе, какъ Цисъ-и-Транслейтанія; то можно быть увѣреннымъ, что подъ этою нелѣпою номенклатурною оболочкою скрывается не менѣе нелѣпая сущность. И потому-то, что Австрія вовсе перестала быть политическимъ индивидуумомъ, хотя бы искусственнымъ, оживленнымъ не государственною идеею, а только временнымъ суррогатомъ идеи, — она и не можетъ имѣть своихъ настоящихъ индивидуальныхъ политическихъ интересовъ. Хотя и прежде, во времена Меттерниха, Баха, Шмерлинга, Белькреди, интересы Австріи были всегда интересами ложными, несоотвѣтствующими настоящимъ выгодамъ народовъ, соединенныхъ подъ Габсбургскимъ вѣнцомъ, — однако же такіе интересы *были, существовали*, и сообразная имъ политическая дѣятельность могла проявляться, и по временамъ весьма сильнымъ даже образомъ. Теперь ихъ нѣтъ вовсе, они перестали существовать, — а съ тѣмъ вмѣстѣ парализировалась и всякая возбуждаемая ими дѣятельность. Австрія представляетъ собою колесницу, влекомую щукой, ракомъ и лебедемъ. Эта басня — символъ. Эмблема ея въ настоящій моментъ ея развитія — или правильнѣе ея разложенія. Результатъ дѣятельности ея, — равнодѣйствующая всѣхъ этихъ въ разныя стороны направленныхъ стремленій, — нуль. И до тѣхъ поръ будетъ она находиться въ такомъ положеніи, пока какая либо внѣшняя сила не захватитъ, не втянетъ ее въ кругъ своего политическаго притяженія и не будетъ распоряжаться ея элементарными, потерявшими жизненную индивидуальность силами. Весьма вѣроятно, что этою внѣшнею силою будетъ Пруско-Германская. Сама по себѣ Австрія не можетъ ничего. Если бы она была способна къ какой бы то ни было политической самодѣятельности, не заставилъ ли бы ее самый очевидный и простой расчетъ

стать на сторону Франціи и съ лихвою возвратить все, что она потеряла при Садовой? Но нѣмецкіе элементы Австріи на сторонѣ Пруссіи: они не хотятъ и не могутъ противоѣствовать успѣхамъ и величію ихъ настоящаго Германскаго отечества. На сторонѣ Пруссіи же и мадьярскіе элементы, потому что прозорливая и политически вышколенная мадьярская аристократія хорошо понимаетъ, что, только опираясь на нѣмецкую силу внѣ и внутри Австріи, могутъ Мадьяры поддерживать свое господство надъ Славянами, и тѣмъ отклонять неминуемое безъ этого поглощеніе Славянствомъ. Противоѣствіе славянскихъ элементовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, сдѣлало бы столь же невозможною самоѣтельную и сколько нибудь успѣшную помощь Австріи Германіи, но объ этой альтернативѣ намъ нѣтъ надобности теперь распространяться. Для нашей цѣли достаточно доказать, что Австрія не только не можетъ противоѣствовать Германіи, но не можетъ даже и хотѣть этого.

Италія, наконецъ, умѣвшая весьма искусно воспользоваться всѣми совершившимися политическими комбинаціями для достиженія своихъ внутреннихъ цѣлей: Восточною войною для приобрѣтенія симпатій Франціи и Англіи и положенія основаній своему единству и независимости, Австро-Прускою войною—для приобрѣтенія Венеціи, и наконецъ разгромомъ Наполеоновской Имперіи — для присоединенія Рима,—слишкомъ ослаблена своими напряженіями, чтобы оказывать какое нибудь дѣятельное вмѣшательство въ дѣла, происходящія по сю сторону Альпъ.—Притомъ же, пока Германія не вздумаетъ притянуть къ себѣ Австрійскихъ земель вплоть до береговъ Адриатическаго моря, и не уничтожить этимъ всякихъ надеждъ на присоединеніе Итальянской части Тироля, и всякихъ видовъ на дальнѣйшее расширение вдоль береговъ Адриатическаго моря, или не захватить Швейцаріи,—до тѣхъ поръ Италія можетъ такъ же мало тревожиться успѣхами нѣмцевъ, какъ и Англія, пока они не коснутся Голландіи. Съ другой стороны, конечно, не имѣетъ Италія никакихъ причинъ и благопріятствовать усиленію нѣмецкаго могущества. — Такимъ образомъ, Германіи нечего опасаться коалиціи нейтральныхъ европейскихъ державъ, имѣющей цѣлью обузданіе ея честолюбія и ослабленіе могущества, а слѣдовательно нечего и заискивать въ Россіи.

Мы видѣли изъ отношеній Англіи, Австріи и Италіи къ Германіи тѣ частныя причины, по которымъ усиленіе этой послѣдней не вызываетъ въ европейскихъ государствахъ того совокупнаго противо-

дѣйствія, результатомъ котораго постоянно бывало возстановленіе равновѣсія. Въ чемъ же заключается эта счастливая для Пруссіи или Германіи особенность? Отвѣтъ очень простъ. — Особенность эта заключается въ томъ, что въ строгомъ смыслѣ этого слова — политическое равновѣсіе Пруссіею не нарушено, даже и послѣ блистательныхъ побѣдъ ея надъ Франціею; ибо объединеніемъ Германіи политическое равновѣсіе не только не нарушается, а получаетъ болѣе широкое основаніе, болѣе твердыя подпоры. Если съ перваго взгляда это представляется иначе, то лишь вслѣдствіе смѣшенія понятія о нарушеніи равновѣсія со всякими измѣненіями существовавшаго политическаго положенія вещей — такъ называемаго *statu-quo*. (См. «Заря» 1869 г. Сентябрь стр. 47—49)*). Но мы показали, что система политическаго равновѣсія имѣетъ положительный опредѣленный смыслъ, зависящій отъ этнографическаго состава и топографическаго положенія государствъ европейской системы, а не условная только комбинація, устанавливаемая на дипломатическихъ конгрессахъ, которые не менѣе войнъ и завоеваній нарушали истинное равновѣсіе. Въ самомъ дѣлѣ, обнаружившеся могущество Пруссіи произошло не вслѣдствіе внѣшнихъ завоеваній не-германскихъ земель, а вслѣдствіе превосходства военнаго устройства, административнаго порядка и внутренняго развитія. Если бы эти элементы силы въ той же мѣрѣ господствовали во всѣхъ земляхъ бывшаго Германскаго Союза, то онъ былъ бы еще могущественнѣе теперешняго, предводимаго Пруссіею, болѣе тѣснаго союза. Собственно говоря, Ново-Германская имперія — тотъ же Германскій Союзъ, только лучше устроенный и избавленный отъ дуализма, составлявшаго въ немъ элементъ слабости и разстройства. Но противъ усиленія политическаго могущества государствъ отъ такихъ причинъ нѣтъ другаго лекарства, какъ пользоваться даннымъ примѣромъ, т. е. прочія государства должны стремиться къ подобному же устройству и развитію заключающихся въ нихъ элементовъ силы и могущества. И вотъ, всѣ государства и послѣдовали уже этому примѣру; даже Англія намѣревается увеличить свои сухопутныя боевыя силы.

Пруссія не теперь усилилась, и даже не въ 1866 году — теперь она только обнаружила свои силы; ошибка и несчастье Франціи въ томъ, что она не видѣла этихъ силъ и вызвала ихъ неосто-

*) «Россія и Европа». стр. 452—454.

рожно на бой, не организовавъ, не собравъ своихъ собственныхъ, которыхъ было бы, по меньшей мѣрѣ, вполне достаточно для борьбы съ Германіей, какъ равнаго съ равнымъ. Это лучше всего доказывалось геройскимъ сопротивленіемъ Франціи послѣ уничтоженія всѣхъ ея регулярныхъ армій, сопротивленіемъ, которое уже и теперь проявило бы блистательные результаты, если бы ихъ не парализовала въ значительной степени постыдная сдача Базена, освободившая не менѣе 200.000 нѣмецкихъ войскъ.

Пруссія была принуждена напрячь всѣ свои силы, чтобы поднять свое упавшее значеніе послѣ Іенскаго разгрома, и, сохранивъ введенное ею тогда устройство, и послѣ полученныхъ ею приращеній на Вѣнскомъ конгрессѣ, она могла считаться одною изъ пяти первостепенныхъ державъ Европы, несмотря на то, что по своему народонаселенію была вдвое слабѣе самаго малонаселеннаго изъ нихъ. Но другія государства, въ особенности же Россія, обладая гораздо большими средствами, все-таки превосходили Пруссію силою и могуществомъ и не прибѣгая къ такому всестороннему пользованію ими, и потому не считали нужнымъ вводить у себя ея превосходную военную систему. Рутинная и привязанность къ старому не позволяютъ ни въ чемъ слишкомъ скоро проникать новизнѣ. Для Россіи, при существованіи крѣпостнаго права, эта система была даже просто невозможна. Пруссія воспользовалась стеченіемъ разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, какъ-то: не-расположеніемъ Россіи къ Австріи, вызваннымъ ея неблагодарнымъ образомъ дѣйствія въ крымскую войну, отчужденіемъ Россіи отъ европейскихъ дѣлъ вообще, вмѣшательствомъ западныхъ державъ во внутреннія дѣла Россіи по поводу Польскаго возстанія, расположеніемъ Англіи къ усиленію Германскаго могущества, ослѣпленіемъ Наполеона, и соединила Германію въ одно политическое цѣлое и тѣмъ удвоила свое народонаселеніе, обратившись изъ 19-милліоннаго въ 38-милліонное государство, въ которое вводитъ свою военную систему. Если эта система могла поставить прежнюю Пруссію почти въ уровень съ прочими великими державами, то, конечно, она стала теперь почти вдвое сильнѣе каждаго изъ нихъ, и по меньшей мѣрѣ сравнялась могуществомъ съ Россіей. Но очевидно, что это преобладаніе кратковременное, и можетъ продолиться только до тѣхъ поръ, пока подражаніе прусскому примѣру не возобновитъ прежняго отношенія между политическими силами государствъ; но въ который, и довольно значительный выи-

грышъ останется и послѣ этого на сторонѣ Пруссіи, потому что, воспользовавшись временнымъ превосходствомъ своихъ силъ, она успѣла образовать изъ сплоченной Германіи—государство равное Франціи по пространству и народонаселенію, и ея значеніе какъ первостепеннаго государства впредь не будетъ уже зависѣть отъ того, что прочія государства забываютъ пользоваться всею совокупностью находящихся у нихъ подъ руками средствъ, а будетъ опираться на твердыхъ и неизблемыхъ основанійхъ.

Но, если первая половина нашей формулы оказывается невѣрною въ примѣненіи къ настоящему обнаруженію, такъ-сказать доселѣ подѣ спудомъ скрывавшихся, нѣмецкихъ силъ; то зато вторая ея половина, выражающаяся словами: *„другая партія ищетъ помощи Россіи для освобожденія отъ власти, вліянія, или опасности со стороны нарушителя“*, вполне оправдывается, и Россія въ теченіе довольно долгаго времени будетъ имѣть возможность пользоваться представляемыми ею выгодами.—Если Пруссію или опруссенную Германію и нельзя въ строгомъ смыслѣ считать нарушительницею равновѣсія; то она, тѣмъ не менѣе, будетъ казаться таковою съ спеціальной точки зрѣнія Франціи, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ тягостиѣ будутъ предписанныя ей побѣдителемъ условія мира. Если и не нарушено равновѣсіе незаконнымъ усиленіемъ Пруссіи, то оно во всякомъ случаѣ нарушено ослабленіемъ Франціи, и Франція всегда будетъ искать союза съ Россіей для восстановленія своего прежняго положенія, своей прежней политической роли,—и такъ какъ это для нея вопросъ о жизни и смерти, то изъ-за помощи Россіи она будетъ готова поступиться въ весьма значительной степени своими предрасудками, какъ польскимъ, такъ и восточнымъ. Въ своемъ стѣсненномъ положеніи она легче пойметъ, что ея интересы въ сущности вовсе не противоположны интересамъ Россіи. При всякой борьбѣ съ Германіей, Россія можетъ поэтому рассчитывать на самую усердную помощь Франціи.

Но тутъ представляются два вопроса: 1) Не должна ли Россія, въ виду собственныхъ своихъ интересовъ, теперь же помочь Франціи избавиться отъ тяжелыхъ жертвъ, налагаемыхъ побѣдителями, отъ огромныхъ денежныхъ вознагражденій, отъ срытія крѣпостей, главное отъ территоріальныхъ уступокъ? 2) Можетъ ли ослабленная Франція быть дѣйствительно полезнымъ союзникомъ Россіи?

Мы не задумываемся отвѣтить отрицательно на первый изъ этихъ вопросовъ. Единственная выгода Россіи отъ избавленія Франціи

изъ ея тяжкаго положенія заключалась бы въ приобрѣтеніи благодарности этой послѣдней; но горькій опытъ показалъ уже Россіи, какое ничтожное значеніе въ политикѣ имѣеть это невольственное приобрѣтеніе. Россія ли не спасала Австріи, не возлелѣивала Пруссіи, не охраняла Германіи, и что же? Образъ дѣйствія Австріи извѣстенъ, но, сверхъ сего, нигдѣ общественное мнѣніе, не исключая самой Англіи, такъ не враждебно Россіи, какъ именно въ этихъ облагодѣтельствованныхъ ею странахъ.

Но допустимъ, что Французы оказали бы болѣе политическаго благородства, чѣмъ Нѣмцы. Для чего Россіи добывать значительными жертвами и усиліями, безъ которыхъ не обошлась же бы война съ Германіей, то, чтò ей достается по стеченію обстоятельствъ даромъ,—я разумѣю помощь Франціи, при всякомъ будущемъ столкновеніи съ Германіей? Этого мало—можно даже съ увѣренностью сказать, что тягость условий, которыя наложатся на Францію, будетъ гораздо сильнѣе понуждать ее къ выгоднымъ для Россіи усиліямъ противъ Германіи, чѣмъ сколько могло бы сдѣлать чувство благодарности за избавленіе отъ этихъ тяжелыхъ условий.

Если бы Нѣмцы и Французы разошлись полюбовно, будетъ ли то при содѣйствіи Россіи, или безъ онаго,—то можно смѣло утверждать, что немного прошло бы времени, какъ они готовы бы были соединиться на общей для нихъ почвѣ Европейскихъ или Германско-Романскихъ интересовъ противъ Славянства и Россіи.

Не надо забывать, что и тѣ и другіе, и Романское и Германское племя, и Франція и Германія, въ сущности наши недоброжелатели и наши враги; только вражда послѣднихъ глубже, прямѣе, непосредственнѣе, и скажемъ необинуясь—резоннѣе, рациональнѣе. Съ освобожденіемъ и соединеніемъ Славянства, Романскіе народы ничего существеннаго не теряютъ, ибо ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ итальянцевъ, и то въ весьма ничтожной степени, никогда не можетъ разсчитывать на подчиненіе своей власти котораго либо изъ Славянскихъ племенъ. Между тѣмъ Нѣмцы лишаются черезъ это преобладанія надъ милліонами Славянъ, и всякой надежды на дальнѣйшее расширеніе своего владычества и вліянія на востокъ, на обширныя и плодородныя сосѣднія имъ страны, страны, которыя въ ближайшемъ будущемъ должны же перемѣнить своихъ неспособныхъ обладателей и сдѣлаться или свободными, или же подпасть подъ власть новаго насилия, которое можетъ быть только нѣмецкимъ. Вражда Герман-

Handwritten signature or mark.

скаго племени къ Славянамъ есть историческая необходимость, вражда же Романскихъ народовъ—только историческій предразсудокъ. Но предразсудокъ тѣмъ не менѣе существуетъ, и потому все, что его разрушаетъ, или по крайней мѣрѣ ослабляетъ, для насъ полезно; а ничто въ такой мѣрѣ не можетъ содѣйствовать его разрушенію или по крайней мѣрѣ временному пріостановленію его дѣйствія, какъ враждебное столкновение Германіи съ Франціею. Чѣмъ болѣе слѣдовъ оно за собою оставитъ, тѣмъ долѣе продлится и его полезное для насъ дѣйствіе, состоящее въ томъ, что ближайшая вражда заститъ собою дальнѣйшую до такой степени, что на мрачномъ фонѣ ея—эта дальнѣйшая можетъ показаться если и не постоянною дружбой, то по крайней мѣрѣ временною пріязнью. Но, если наша собственная выгода нисколько не понуждаетъ насъ помогать Франціи, спасти ее изъ ея критическаго положенія, то мы не имѣемъ на это и никакихъ другихъ поводовъ болѣе безкорыстнаго свойства; ибо отношенія къ намъ Франціи, какъ впрочемъ и всѣхъ остальныхъ Европейскихъ государствъ, были всегда таковы, что Россіи нѣтъ ни малѣйшихъ основаній питать къ которому либо изъ нихъ чувства доброжелательства или благодарности.

Что касается до втораго вопроса, то, для непотерявшихъ исторической памяти, на него не можетъ быть другаго отвѣта, кромѣ вполне утвердительнаго. Какъ бы жестоко ни воспользовались Нѣмцы своими побѣдами, какъ бы тяжелы ни были условія мира, предписанныя хотя бы на развалинахъ Парижа,—ослабленіе Франціи никогда не можетъ дойти до той степени, до которой доведена была Пруссія послѣ Тильзитскаго мира. Пусть отнимутъ отъ Франціи не только Эльзасъ съ частью Лорени, но и всю эту послѣднюю провинцію; за всѣмъ этимъ Франція будетъ заключать въ себѣ все еще не менѣе 35.000,000 жителей, между тѣмъ какъ Пруссія, которой были оставлены только неполныя четыре провинціи: Пруссія, Бранденбургъ, Силезія и часть Помераніи, имѣла въ 1807 году какихъ нибудь 4 или 5.000,000 жителей. Число войскъ ея было ограничено съ небольшимъ въ 40,000 человѣкъ, крѣпости заняты французскими гарнизонами. Со всѣмъ тѣмъ, принявшись хорошенько, Пруссія такъ умѣла устроиться, что черезъ 6 лѣтъ послѣ этого она была уже въ состояніи оказать Россіи значительную помощь въ освобожденіи Германіи. Прибавимъ еще къ этому то, что воен-

ное устройство, которое ввели въ ней Штейнъ и Шарнгостъ, было тогда еще неиспробованнымъ теоретическимъ предположеніемъ, между тѣмъ какъ теперь оно яркій положительный фактъ, много разъ блистательно оправдавшійся на практикѣ. Можно ли послѣ этого сомнѣваться, что и Франція, въ теченіе немногихъ лѣтъ послѣ ея разгрома, успѣетъ настолько по крайней мѣрѣ оправиться и переустроиться, чтобы быть сильной помощницей Россіи?

Правда, что въ теперешнее время требуется гораздо болѣе средствъ на то, чтобы устроить и вооружить сильную боевую армію, чѣмъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія; но зато, промышленная и финансовыя силы Франціи, какъ бы ни была она ослаблена военнымъ разореніемъ и тяжкими мирными условіями, все-таки останутся внѣ всякаго сравненія выше тѣхъ, которыми могла располагать Пруссія послѣ 1807 года. Что эти силы и патріотическій и военный духъ Франціи несравненно выше, чѣмъ въ Пруссіи 1806 года, доказываетъ напряженность войны послѣ всѣхъ пораженій, понесенныхъ французскими арміями. Конечно, Францію постигла Седанская и Мецкая катастрофы. Говорятъ, что еще не было примѣра такихъ позорныхъ капитуляцій, ибо всегда какъ-то ближайшее къ намъ событіе принимаетъ большіе размѣры сравнительно съ тѣми, которыя уже отодвинулись на разстояніе исторической перспективы. Но не надо забывать, что въ 1806 году, послѣ одного проиграннаго сраженія,—вся Пруссія: войска, крѣпости, народъ такъ сказать сдались военно-плѣнными, представили собой одинъ огромный Седанъ. Правда, не было примѣра, если позволено такъ выразиться, столь блистательныхъ измѣнъ, какъ въ Мецѣ, такой деморализаціи арміи, такого нелѣпаго и позорнаго распоряженія военными силами страны; но все это искупается геройствомъ французскаго народа,—который, и послѣ разгрома всѣхъ организованныхъ силъ страны, до сихъ поръ заставляетъ колебаться участь войны, такъ что невозможно еще предсказать ея исхода. Поэтому, весь позоръ падаетъ единственно и исключительно на Наполеона и его правительство. Мы проводимъ эту паралель 1806 и 1870 года не для униженія Пруссіи, а для того, чтобы показать, что Франція представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе залоговъ на то, что она и захочетъ и сѣмѣетъ загладить всѣ свои неудачи, чѣмъ Пруссія 1806 года.

Безпристрастное и всестороннее разсмотрѣніе того вліянія, которое усиленіе Пруссіи, или что все равно—Германіи, должно

имѣть на Россію, на осуществленіе ея великой исторической задачи—освобожденія и соединенія всѣхъ славянскихъ народовъ,—въ главномъ опять-таки подтверждаетъ наше общее положеніе: что всякое нарушеніе политическаго равновѣсія между Европейскими государствами выгодно для Россіи; во всякомъ случаѣ, гораздо выгоднѣе внутренняго Европейскаго мира, всегда скрывающаго въ своихъ нѣдрахъ грозу противъ Россіи, готовую разразиться при всякомъ удобномъ для того случаѣ или предлогѣ. Грозы неизбѣжимы мы правда и теперь, и даже вѣроятно грянетъ она еще скорѣе, чѣмъ безъ этого, но при болѣе выгодныхъ для насъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Мы говоримъ это во первыхъ потому, что наше положеніе будетъ гораздо благоприятнѣе въ общественномъ мнѣніи значительной части Европы. При искусномъ съ нашей стороны образѣ дѣйствій—борьба за самые священные интересы Славянства, которыхъ конечно не признаетъ Европа, получить въ глазахъ ея видъ борьбы противъ нѣмецкаго преобладанія, угрожающаго въ будущемъ и Даніи, и Голландіи, и Швейцаріи, и Италіи. Наводящее ужасъ страшилище грядущаго панславизма заслонится въ глазахъ многихъ уже возникшимъ пугаломъ пангерманизма. Во вторыхъ, мы всегда можемъ рассчитывать, что Франція будетъ на нашей сторонѣ, а Италія останется нейтральною, тогда какъ, при враждебности намъ и Англіи, и Франціи, Италія, лишенная всякой точки опоры, для сохраненія своего нейтралитета, должна бы необходимо за ними послѣдовать.

Конечно, прежде и главнѣе всего мы должны принять внутри всѣ необходимыя предосторожности, собрать, приготовить, устроить и увеличить всѣ свои силы, но это необходимо во всякомъ случаѣ; теперешній же разгромъ Франціи служить для насъ громкимъ, вызывающимъ и вопіющимъ, но вѣроятно уже послѣднимъ предостереженіемъ, и призывъ всѣхъ сословій къ равномѣрному участию въ военной службѣ позволяетъ надѣяться, что—гласъ этотъ не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Хотя, такимъ образомъ, нарушеніе политическаго равновѣсія въ пользу Пруссіи и Германіи имѣетъ для насъ ту невыгодную сторону, что, вслѣдствіе изложенныхъ выше обстоятельствъ, Россія не имѣетъ выбора между сторонами побѣдившей и побѣжденной для заключенія съ любой изъ нихъ такого союза, который содѣйствовалъ бы ей въ достиженіи ея національныхъ цѣлей; но это обстоятельство въ сущности не такъ невыгодно для Россіи, какъ можетъ

показаться съ перваго взгляда. Союзъ могущественной Франціи съ могущественною Россією, искренно заинтересованныхъ во взаимномъ охраненіи ихъ совокупнаго преобладанія, былъ бы конечно самою выгодною для насъ политическою комбинаціею, какъ показалъ короткій періодъ Тильзитской дружбы; но, къ сожалѣнію, побѣда Франціи безъ сомнѣнія возбудила бы съ новою силою предразсудки, которые до сего времени не только отчуждали Россію и Францію, но ставили ихъ почти постоянно во враждебныя отношенія, совершенно неоправдываемыя требованіями ихъ дѣйствительныхъ выгодъ. Съ другой стороны, побѣжденная, ослабленная Пруссія и вновь раздробленная Германія снова стали бы въ то отношеніе къ Россіи, въ которомъ, при кажущемся ея преобладаніи, она снова сдѣлалась бы, какъ во времена Священнаго союза, орудіемъ для достиженія нѣмецкихъ цѣлей, для охраненія нѣмецкихъ интересовъ. Тильзитская политика не могла бы возникнуть, и выборъ Россіи между побѣдителемъ и побѣжденнымъ остался бы чисто мнимымъ. Какъ внутри, такъ и внѣ Россіи и Франціи, замѣшано слишкомъ много интересовъ, заботящихся не допускать ихъ до сердечнаго соглашенія, слишкомъ много какъ польскихъ, такъ и нѣмецкихъ вліяній и зацѣпокъ самаго разнообразнаго свойства, пускающихъ въ ходъ всякаго рода пружины: династическія, аристократическія и демократическія. Франція, не найдя искренней поддержки въ Россіи своимъ честолюбивымъ видамъ, принялась бы по старому подогрѣвать польскія интриги. Россія, воображая себя угрожаемою революціонною или демократическою пропагандою, приняла бы такъ называемую строго консервативную политику нѣмецкой окраски. Напротивъ того, при побѣдѣ Германіи и временномъ ослабленіи и даже униженіи Франціи, всѣ эти предразсудки и вліянія должны потерять свою силу. Франція, имѣя возможность лишь въ одной Россіи найти опору для возстановленія своего политическаго положенія, поневолѣ откажется отъ поддержки мнимыхъ польскихъ интересовъ, когда самые существенные и дѣйствительные французскіе интересы станутъ имъ противоположны. Россія поневолѣ отступится отъ поддержки Пруссіи и Германіи, когда, снявъ маску, онѣ гордо станутъ преслѣдовать свои собственныя цѣли, идущія въ разрѣзъ съ самыми очевидными выгодами Россіи.

Кромѣ этого, есть еще и другая сторона, дѣлающая выгоднымъ для Россіи преобладаніе въ Европѣ Германіи и оттѣсненіе Франціи на второй планъ. Не смотря на весь вредъ, который Франція причи-

нила Славянамъ Балканскаго полуострова своею восточною политикою, а Славянамъ Австрійскимъ поддержкою польскаго и мадьярскаго элементовъ,—она все-таки пользовалась сочувствіемъ и расположеніемъ извѣстной части такъ называемой интеллигенціи въ различныхъ Славянскихъ земляхъ, а еще болѣе въ Румунскихъ княжествахъ. Этимъ расположеніемъ обязана она была: тому обаянію, которое получило имя ея въ глазахъ либераловъ со времени французской революціи; ея дѣйствительнымъ услугамъ національно-либеральному дѣлу въ Италіи; либеральной фразеологіи ея писателей, ораторовъ и государственныхъ людей, а также многимъ дѣйствительно симпатическимъ сторонамъ французскаго національнаго характера. Все это заставляло надѣяться многихъ Славянъ, что и на нихъ распространить она покровительство трехцвѣтнаго знамени. Конечно это не болѣе какъ самообольщеніе, обманъ, ибо и въ глазахъ французовъ, какъ и всѣхъ прочихъ европейцевъ, плоды свободы растутъ и зрѣютъ не для Славянъ; но тѣмъ не менѣе соблазнъ дѣйствовалъ. Вотъ этого-то соблазна, по счастью, совершенно лишены Нѣмцы, лишены его по политическимъ интересамъ нѣмецкаго народа, діаметрально противоположнымъ интересамъ Славянъ, по издревле ведущейся между ними, подъ разными видами культуртрегерства, исторической борьбѣ, и наконецъ по самому нѣмецкому характеру, антипатичному для всѣхъ, вступающихъ съ Нѣмцами въ ближайшее столкновение народовъ. Въ этомъ я сошлюсь, кромѣ Славянъ, на Итальянцевъ, на нашихъ Эстовъ и Латышей, и наконецъ даже на родственныя нѣмцамъ скандинавскія племена. Эта разница въ оцѣнкѣ національныхъ характеровъ Французовъ и Нѣмцевъ другими народами всего яснѣе выражается при тепершнихъ обстоятельствахъ. Какъ только былъ низвергнутъ всѣмъ опротивѣвшій Наполеонъ, повсемѣстно стали обнаруживаться симпатіи къ Франціи; Бельгійцы, не смотря на то, что Франція угрожала независимости ихъ отечества, до такой степени обнаружили свое дружелюбное расположеніе къ Франціи, что Нѣмцы вздумали даже считать это за нарушеніе нейтралитета. Итальянцы высылаютъ своихъ волонтеровъ сражаться за Францію подъ предводительствомъ своего національнаго героя. Швейцарія, даже нѣмецкая, очевидно на сторонѣ Франціи; также въ Чехіи и наконецъ въ Россіи, гдѣ только та часть журналистики и раздѣляющей ея мнѣніе публики сочувствуетъ Пруссіи, которая всегда была лишена всякаго пониманія національныхъ интересовъ. Даже въ про-

стомъ народѣ часто случалось мнѣ слышать сожалѣніе, что Нѣмецъ } одолѣваетъ Француза. Конечно, политическій расчетъ можетъ за-
ставить то или другое государство принять сторону Пруссіи или
Германіи, но едва ли гдѣ вызываютъ къ себѣ Нѣмцы сочувствіе
общественнаго мнѣнія.

Обстоятельство это, думаемъ мы, весьма важно. Всегда вѣрный
инстинктъ народныхъ массъ и умы истинно передовыхъ людей во
всѣхъ Славянскихъ земляхъ давно уже на сторонѣ Россіи; но за
то значительная часть такъ называемый интеллигенціи, вліяніе ко-
торой весьма значительно, ощутительно склоняясь на сторону
Франціи, проникалась антирусскими—а слѣдовательно въ сущно-
сти и антиславянскими стремленіями, и на Францію возлагала
главныя свои надежды. Теперь, когда Франція надолго должна со-
средоточиться внутри самой себя, думать единственно объ изле-
ченіи нанесенныхъ ей ранъ, о возстановленіи своего утраченнаго
могущества, о возвращеніи имѣющихъ вѣроятно отойти къ Герма-
ніи областей своихъ, и для этого искать дружбы и помощи Рос-
сіи,—Россія остается въ глазахъ всѣхъ Славянъ, не потерявшихъ
не только политическаго, но и просто здраваго смысла, единствен-
нымъ якоремъ ихъ спасенія, единственною ихъ путеводною звѣз-
дой. Никто кромѣ Россіи не можетъ ихъ избавить отъ нѣмецкаго
наплыва, никто кромѣ Славянъ не можетъ и Россіи доставить по-
стоянныхъ пособниковъ противъ нѣмецкихъ стремленій, которыя не
замедлятъ обнаружиться съ такою яркостью, что могутъ продол-
жать оставаться невидимыми только для слѣпорожденныхъ. Такое
положеніе дѣлъ, которое должно тѣснѣе сблизить Россію съ про-
чими Славянами, и ихъ съ Россіей, не можетъ конечно не счи-
таться благотѣльнымъ для обѣихъ сторонъ.

Всестороннее разсмотрѣніе вліянія, которое должна оказать фран-
ко прусская война на Россію, подтверждаетъ вполнѣ прежде выра-
женную нами мысль, что всякое нарушеніе политическаго равно-
вѣсія Европы, откуда бы оно ни происходило, для насъ болѣе или
менѣе выгодно; но, кромѣ этого, въ общемъ результатѣ его оказы-
вается какая-то странная двойственность, именно: что всѣ симпа-
тіи наши на сторонѣ Франціи, политическія же соображенія заста-
вляютъ желать полной побѣды Германіи и ослабленія Франціи. Но
интересъ, который имѣетъ въ этомъ Россія, чисто отрицательнаго
свойства. Не усиленіе Германіи и не пораженіе и униженіе Фран-
ціи сами по себѣ выгодны для Россіи, а выгодно то, что, во-пер-

выхъ, объединенная и усилившаяся Германія непременно выкажетъ со всею яркостью и очевидностью противоположность политическихъ цѣлей и стремленій нѣмецкихъ и русскихъ, и Россія принуждена будетъ выступить на защиту самыхъ существенныхъ своихъ интересовъ, нераздѣльныхъ съ интересами всего Славянства; во вторыхъ, что съ ослабленіемъ Франціи разсѣются по крайней мѣрѣ на время тѣ предразсудки, которые и съ французской и съ нашей стороны такъ долго препятствовали понимать тожество обоюдныхъ интересовъ въ большинствѣ случаевъ. Такая противоположность между внушеніями чувства и интересовъ, равно какъ и отрицательный характеръ самихъ этихъ интересовъ, показываютъ, что не смотря на поворотъ къ національной политикѣ, послѣдовавшій въ Россіи послѣ Восточной войны и польскаго возстанія, все еще осталось многое, не заслуживающее носить этого названія,—обнаруживаютъ ненормальность многихъ сторонъ и внутренней и внѣшней политики, какъ у насъ, такъ и во Франціи.—Ошибки французской политики не позволяютъ намъ прямо и открыто стоять на сторонѣ Франціи, къ которой, по настоящему, долженъ бы насъ привлекать здравый политическій расчетъ;—ошибки нашей политики принуждаютъ желать, чтобъ хоть тяжелый опытъ и близкая опасность заставили насъ увидать всю діаметральную противоположность между выгодами и цѣлями нѣмецкими и русскими и славянскими.

18 дек. 1870.
